

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается положение о том, что в процессе развития политического диалога стран-участниц евразийского интеграционного проекта может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал евразийской цивилизационной идентичности, которая может выполнять функции социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера. Политический диалог рассматривается как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру. При этом подчёркивается, что культура выполняет особую функцию, так как формирует смысловое и ценностное отношение к интеграционным процессам.

Ключевые слова: евразийская интеграция; цивилизационная идентичность; политический диалог; российская цивилизация; цивилизационные вызовы.

SENYUSHKINA T. A.

EURASIAN IDENTITY AS A FACTOR OF POLITICAL DIALOGUE

ABSTRACT

The article substantiates the thesis that in the process of development of the political dialogue of the countries participating in the Eurasian integration project, the cultural, symbolic and worldview potential of the Eurasian civilization identity can be used, which can perform the functions of socio-cultural regulation as a means of overcoming local “localisms” of an ethnoreligious nature. Political dialogue is seen as a multi-level systemic phenomenon, which includes all spheres of public life – economy, politics, social sphere and culture. At the same time, it is emphasized that culture performs a special function, since it forms a semantic and value attitude to integration processes.

Keywords: Eurasian integration; civilizational identity; political dialogue; Russian civilization; civilizational challenges.

В современном мире наблюдаются новые тенденции в формировании системы международных отношений, связанные с появлением новых видов цивилизационных вызовов и угроз. Своеобразие этим процессам придаёт превращение евразийского пространства в арену геополитической игры крупных мировых акторов, таких как США, ЕС, КНР, Индия, Пакистан, Иран, Турция [2, с.14]. Новые геополитические и цивилизационные вызовы, с которыми сталкиваются сегодня страны СНГ, нацеливают на всестороннее теоретическое осмысление и практическое использование разнообразных ресурсов и механизмов для развития политического диалога, который следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру.

В связи со сказанным выше актуализируются исследования, связанные с изучением разнообразных механизмов политического диалога, направленного на преодоление отчуждения и восстановление доверия в межгосударственных отношениях России и стран СНГ. В качестве одной из составляющих мировоззренческого основания политического диалога можно рассматривать

цивилизационную идентичность, которая является одним из структурирующих элементов общественной и социокультурной интеграции.

Целью данной статьи является обоснование тезиса о том, что в процессе политического диалога стран-участниц евразийского интеграционного проекта может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал евразийской цивилизационной идентичности.

В современной академической литературе существует большое количество исследований, посвящённых теме идентичности. На основании обзора литературы по этой теме можно сделать вывод о том, что идентичность – это форма самообнаружения многогранной сущности человека, способ выстраивания внутреннего мира в соответствии с определенными типами общности – религиозной, культурной, этнической, политической, гражданской и др. Идентичность помогает человеку ориентироваться в сложном мире этнических и культурных символов, имеющих своё преломление в пространстве политических смыслов и идей.

Цивилизационная идентичность связана с наивысшим уровнем осознания человеком своей культурной принадлежности. Пытаясь ответить на вопрос: «Кто я?», человек сопоставляет себя

с другими людьми, близкими себе по культурному, религиозному, этническому, социальному, языковому признаку. Цивилизационная идентичность связана также с конкретным политическим пространством и социальным временем, общественным устройством, духовными традициями и коллективной памятью.

Внешними признаками цивилизации выступают широкий охват отдельных культур и народов, устойчивость их социальных и культурных характеристик, который выражается в социокультурной идентификации. Основоположник цивилизационного подхода Н.Я.Данилевский в своей книге «Россия и Европа» подчёркивал, что «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [1].

Согласно Дж. Тойнби, цивилизации – это общности, «более широкие, чем отдельная нация, но менее широкие, чем всё человечество» [10]. С. Хантингтон рассматривает цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей [11]. В книге «Столкновение цивилизаций» он подчёркивает, что «цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей» [11, с. 34].

В современном российском академическом и политическом дискурсе обращает на себя внимание конкуренция различных цивилизационных проектов. В частности, в литературе и научных дискуссиях используется несколько понятий: российская цивилизация, русская цивилизация, православная цивилизация, евразийская цивилизация. На наш взгляд, одной из важных теоретических задач является поиск оптимального термина, который бы мог способствовать не только объединению теоретических усилий учёных, занимающихся цивилизационной проблематикой, но и политическим задачам, стоящим перед Российским государством на современном этапе.

Российская цивилизация сформировалась на большом континентальном пространстве, её особенность – в полиэтничности населения (более 150 национальностей) и многоконфессиональности (более 60 вероисповеданий). При этом интегрирующим началом многонационального суперэтноса, сплотившего народы Восточной Европы и Северной Азии, стал русский народ. Большинство этносов, вовлечённые русским народом в единое культурное пространство, приобщённые к русской культуре, скреплённые русским языком как языком межнационального общения, выступили участниками единого культурного процесса и создателями общих ценностей в едином географическом, политическом и культурном пространстве. Эти народы также образовали широкую поликонфессиональную общность, отдельные составляющие которой веками сохраняли присущие им особенности. В ней представлены все три мировые религии, в т.ч. практически все христианские конфессии. При этом ключевую роль в формировании российской культуры и цивилизации сыграло православие [3, с. 13].

Одна из особенностей российской цивилизации – в цикличности культурных и политических влияний Востока и Запада. По мнению А.С. Панарина, в качестве страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия периодически сталкивается с необходимостью пересмотра своего цивилизационного статуса [7, с. 113]. «Русская экзистенция – это напряжённая межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности», – подчёркивал А.С.Панарин. – «Россия с самого начала формировалась как гетерогенное западно-восточное образование, сознательно решая проблему творческого синтеза различных цивилизационных начал. Российское общество вступало в фазу нестабильности не тогда, когда сталкивалось с внешним вызовом со стороны Запада или Востока, а когда этот внешний вызов интериоризировался, получая значение тотальной внутренней самокритики. Неустойчивость России как социокультурного типа связана, таким образом, не столько с промежуточным геополитическим положением как таковым, сколько с проблематичностью тех синтезов, которые рос-

сийское общество создавало в разные моменты своей истории» [7, с. 113].

В этой связи уместно обратить внимание на популярную в современной академической среде тему конфликта западных и восточных цивилизаций. По мнению А.С. Панарина, современное противоборство миров интерпретируется посредством разных понятий, в том числе «конфликта цивилизаций» (западной) с «восточным варварством», с «фундаментализмом и терроризмом», наконец, как борьба современного «открытого общества» с архаичкой национал-патриотизма и изоляционизма [6, с. 238]. Сущность описанного выше конфликта А. Панарин видел в том, что в «недрах западной культуры издавна соперничают (зачастую причудливо переплетаясь) два принципа: расистский и мессианско-универсалистский. Первый ориентирует на последовательное противопоставление миру незападного большинства человечества, второй – на интеграцию последнего в обустраиваемую Западом «современность» [6, с. 239].

По мнению Панарина, драматической особенностью наступившей эпохи является «неожиданное доминирование первого, расистского принципа, потеснившего классический западный гуманизм. Возможно, в этом повинна холодная война. Восток, олицетворяемый грозным СССР, впервые стал внушать не столько снисходительное презрение, сколько смертельный страх» [6, с.239].

В контексте сказанного выше рассмотрим идеи С. Хантингтона, который утверждал, что «универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьёзными – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью – между мусульманами и не-мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта...» [11, с. 13-14]. Таким образом, американский политолог очерчивает линии разлома между цивилизациями, проводя их по линии «мусульмане-немусульмане», и связывает это противостояние с локальными войнами.

Как видно из приведённого выше текста, С. Хантингтоном была разработана идеологическая конструкция, обслуживающая на теоретическом уровне геополитические стратегии США.

При этом исламские страны, как известно, богатые энергетическими ресурсами, приобрели ореол врага не только для Запада, но и для всех «немусульман» [8, с. 78-79].

На наш взгляд, сегодня существует объективная необходимость во всесторонней и основательной критике теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Это связано не столько с тем, что противостояние по линии цивилизаций может быть рассмотрено как уязвимое с теоретической точки зрения, сколько с тем, что оно представляет вызов по своим геополитическим последствиям.

И ещё одно обстоятельство, на котором следует остановиться. Не стоит забывать, что цивилизационная проблематика была вытянута из исторических архивов и вновь озвучена в конце XX – начале XXI века во многом благодаря появлению сначала статьи, а затем и книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». После провозглашения этим автором теории цивилизационных войн и конфликта западного мира с западным последовала целая череда невиданных ранее по своим масштабам террористических актов. Известно, что книга Хантингтона была с воодушевлением воспринята в исламском мире. Его несколько раз приглашали для чтения лекций мусульмане Индии. После терактов 11 сентября 2001 года запад впервые заговорил об «исламской угрозе» всему цивилизованному миру [9, с. 205-206].

Известно, что идеи могут управлять миром, воодушевляя массы. Вполне резонно возникает вопрос: а не играют ли идеи Хантингтона роль катализатора для опасных политических игр? На наш взгляд, не следует искать корни терроризма в цивилизационных различиях. Мир разный, и эти различия существуют тысячи лет, ровно столько, сколько существует человечество. Гораздо разумнее прислушаться к мнению Юргена Хабермаса, который в своей Франкфуртской речи, сразу же после терактов 11 сентября, заметил, что «корни терроризма нужно искать в психологии униженного человеческого достоинства» [12].

В качестве альтернативного подхода приведём слова А.С. Панарина о том, что «Требуется смена самой парадигмы отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Морем и Континентом, «полюсами роста» и обездоленной периферией. Таким образом, вопрос о качественно ином

будущем – это не очередная утопия, а жизненная необходимость, ибо в настоящем, как оно сегодня сложилось, нам, по всей видимости, не дано долго пребывать» [4, с. 7].

Учитывая сказанное выше, а также опираясь на объективное наличие «восточного цикла» в современной мировой политике и экономике, направим нашу теоретическую рефлексию в сторону идейного, культурно-символического и социально-политического пространства Евразии. При этом важное значение для нашего исследовательского поиска имеют задачи, связанные с преодолением искусственно созданной экономической и политической дезинтеграции постсоветского пространства.

Так как позиционирование России в евразийском проекте требует обеспечения условий для конструктивного взаимодействия её основных субъектов – локальных общностей разного уровня, «большая традиция» российской цивилизации предстаёт универсальной системой социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера, а её выработка предполагает актуализацию духовного потенциала всех основных субъектов евразийского цивилизационного поля, прежде всего – православно-славянской и мусульманско-тюркской религиозно-культурных общностей [3, с. 14].

При этом, как указывал А.С. Панарин, на собственно религиозной основе интеграция славянских и тюркских элементов Евразии практически недостижима. Единственно возможной и реальной альтернативой «суперэкуменизму» является выработка особых евразийских культурных универсалий, преобразующих энергию религиозных импульсов в специфической цивилизационной форме [5, с. 14]. На наш взгляд, именно в этом и заключается основная роль евразийской цивилизационной идентичности, которая может создать условия для политического диалога России со странами – участницами евразийского проекта.

Выводы

1. В условиях появления в евразийском пространстве новых видов геополитических и цивилизационных вызовов и угроз возрастает актуальность поиска разнообразных механизмов развития политического диалога между участниками евразийского интеграционного проекта.

2. Политический диалог следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру. При этом культура выполняет особую функцию, так как формирует смысловое и ценностное отношение к интеграционным процессам.

3. В процессе политического диалога стран-участниц евразийского интеграционного проекта может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал евразийской цивилизационной идентичности, которая может выполнять функции социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера.

4. Актуализация евразийской идентичности предполагает задействование в интеграционном процессе духовного потенциала всех основных субъектов евразийского цивилизационного пространства, прежде всего – православно-славянской и мусульманско-тюркской религиозно-культурных общностей.

5. Так как позиционирование России в евразийском проекте требует обеспечения условий для конструктивного взаимодействия её основных субъектов – локальных общностей с различными этноконфессиональными характеристиками, важное значение приобретает интеграция народов Евразии на основе преобразования энергии религиозных импульсов в специфической цивилизационной форме.

6. Так как в литературе и научных дискуссиях используется несколько понятий: российская цивилизация, русская цивилизация, православная цивилизация, евразийская цивилизация, одной из важных теоретических задач является поиск оптимального термина, который бы мог способствовать не только объединению теоретических усилий учёных, занимающихся цивилизационной проблематикой, но и политическим задачам, стоящим перед Российским государством на современном этапе.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html>

2. Козут В.Г., Нурышев Г.Н. Евразийское пространство: современные геополитические вызовы и угрозы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 2-2 (18). – С.14-20.

3. Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013. – 551 с.

4. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000. – 348 с.

5. Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 1995. – С.17-27.

6. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.

7. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов; под ред. В.В.Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 231 с.

8. Сенюшкина Т.А. Через конструирование идентичности – к столкновению цивилиза-

ций? // Христианство и ислам – диалог культур и цивилизаций: тезисы докладов междунауч. конф., 16-20 мая 2011 г., Севастополь / [под ред. Ю. А. Бабинова]. – Севастополь: Рибэст, 2011. – С.78–79.

9. Сенюшкина Т. А. Концептуальное обоснование философии нации в цивилизационной теории Н.Я.Данилевского // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАНУ/Збірник. К.: ІПіЕНД, 2003. Випуск 24. С.205-206.(на укр. языке).

10. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt#Toynbee003.htm>

11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007.

12. Philosophy in a Time of Terror. Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida by Giovanna Borradori [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.press.uchicago.edu/Misc/Chicago/066649.html>.

Сенюшкина Т. А., д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым